

УДК 341.48/.49

DOI: 10.34670/AR.2023.20.97.008

Апартеид как международное преступление в системе международного уголовного права: нормативно-правовой анализ

Лобач Дмитрий Владимирович

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
Дальневосточный юридический институт (филиал),
Университет прокуратуры Российской Федерации,
690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Суханова, 8;
e-mail: dimaved85@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-511-00009.

Аннотация

В статье изучается история развития международно-правовой регламентации ответственности за преступление апартеида. Сравнительно-правовой анализ международных норм об апартеиде позволяет выделить конвенционную модель (апартеид как международное преступление) и статутную модель (преступление апартеида в составе группы преступлений против человечности). При этом отмечается, что Нюрнбергские принципы и положения Устава Нюрнбергского трибунала от 8 августа 1945 г. стали предтечей для дальнейшего расширения политико-правового концепта апартеида как криминального деяния в составе преступлений против человечности. Особое внимание уделено отграничению апартеида от геноцида в части создания условий, рассчитанных на полное или частичное уничтожение расовой группы. Отмечается, что происходит нормативное включение одного из проявлений геноцида в юридическую конструкцию преступления апартеида. В заключении делается вывод, что так как преступление апартеида охватывается общей нормой о преступлениях против человечности, то происходит усложнение и самого концепта апартеида в сравнении с его конвенционной моделью, поскольку контекстуальное условие апартеида дополняется специальным контекстуальным условием преступлений против человечности.

Для цитирования в научных исследованиях

Лобач Д.В. Апартеид как международное преступление в системе международного уголовного права: нормативно-правовой анализ // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 10А. С. 795-802. DOI: 10.34670/AR.2023.20.97.008

Ключевые слова

Международные преступления, апартеид, геноцид, преступления против человечности, преступления против мира и безопасности человечества, международное уголовное право.

Введение

Несмотря на то, что расовая сегрегация и дискриминация, более известная как апартеид, имеет давние исторические корни, только в XX в. наблюдается международное противодействие этому явлению, выражаемое в его политическом осуждении и уголовно-правовом преследовании [Кудрявцев, 1999, 134].

Политическое осуждение обуславливает принятие государствами на себя особых обязательств, связанных с отказом от проведения дискриминационной политики в отношении расовых социальных общностей, а также в применении своевременных, адекватных и надлежащих мер (законодательные, политические, воспитательные, информационные, организационные и др.), направленных на предупреждение и пресечение дискриминационной деятельности на национальном уровне. Апартеид как политический режим и противоправная деятельность осуждается на международном уровне, что отражается в ряде резолюций, принятых по линии Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН¹.

Основная часть

Международная криминализация апартеида во многом основывается на Нюрнбергских принципах² и положениях Устава Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран Оси от 8 августа 1945 г. (далее — Устав Нюрнбергского трибунала)³. Несмотря на отсутствие в Уставе Нюрнбергского трибунала норм, регламентирующих ответственность за апартеид как самостоятельное международное преступление, все же отдельные признаки этого деяния нашли свое отражение в понятии «преступления против человечности». В соответствии с п. «с» ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала преступления против человечности подразделяются на две группы: бесчеловечные деяния, совершенные против гражданского населения до или во время войны; бесчеловечные деяния, связанные с преследованием по дискриминационным мотивам (включая расовый мотив). Важно отметить тот факт, что признание на международном уровне преследования по дискриминационным мотивам в качестве международного преступления — то есть такого деяния, уголовная противоправность которого устанавливается в рамках универсальной юрисдикции, — ознаменовало будущий вектор политико-правового противодействия подобному явлению и последующее концептуально-правовое оформление апартеида как криминального деяния в составе преступлений против человечности. Так, в Конвенции ООН о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября

¹ См., например: A/RES/2054 (XX) от 15 декабря 1965 г.; A/RES/2202 (XXI) от 16 декабря 1966 г.; A/RES/2307 (XXII) от 13 декабря 1967 г.; A/RES/2394 (XXIII) от 26 ноября 1968 г.; A/RES/2396 (XXIII) от 2 декабря 1968 г.; S/RES/182 от 4 декабря 1963 г.; S/RES/190 от 9 июня 1964 г.

² Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала, от 1950 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml

³ Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси от 1945 г. URL: <https://numberg.rusarchives.ru/documents/ustav-mezhdunarodnogo-voennogo-tribunala>

1968 г.⁴ и резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 2 декабря 1968 г.⁵ уже говорится о том, что апартеид является преступлением против человечества. Вместе с тем в обоих документах было отмечено, что апартеид представляет собой не просто преследование по дискриминационным мотивам, а прежде всего дискриминационную политику, что с юридической стороны ознаменовало предание такому преследованию государственного характера, позволяющего отграничить апартеид как негативное государственно-правовое явление от спорадических актов насилия и злоупотребления, совершенных по дискриминационным мотивам вне рамок государственной политики. Однако в документах не было закреплено легального определения этого деяния, что означает отсутствие завершенной криминализации данного явления в международном праве.

Особый вклад в развитие уголовно-правовой регламентации ответственности за апартеид был внесен Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г. (далее – Конвенция о расовой дискриминации)⁶, так как расширение политического формата противодействия различным проявлениям дискриминации и сегрегации предопределило формирование уголовно-правового механизма борьбы с подобными проявлениями в системе международного уголовного права. Так, в пункте «а» ст. 4 данного документа определено, что государства обязаны криминализовать экстремистские идеи, подстрекательство к дискриминации, акты насилия, совершаемые по мотивам расы или цвета кожи, а также оказание любой помощи для проведения расистской деятельности. Кроме того, в качестве преступления должно признаваться участие в организации и в осуществляемой ею деятельности, которая поощряет расовую дискриминацию и подстрекает к ней (п. «b» ст. 4). Представленная конвенция вызывает особый интерес еще и потому, что впервые на международном уровне дается легальное определение расовой дискриминации, под которым понимается «любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, имеющее целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни».

Исходя из этого определения следует, что расовая дискриминация не охватывает ограничения и неравенство исключительно только по мотивам расовой принадлежности, так как закреплены ограничения по другим дискриминационным мотивам (цвет кожи, принадлежность к определенному роду, национальности, этносу). В Конвенции о расовой дискриминации были криминализованы распространение идей и подстрекательство к расовой дискриминации, все акты насилия, совершаемые по дискриминационным мотивам, оказание помощи, включая финансовую, для проведения расистской деятельности, а также участие в экстремистских организациях.

В дальнейшем расовая дискриминация в системе международного уголовного права

⁴ Конвенции ООН о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 1968 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/warcrimes_limit.shtml

⁵ A/RES/2396 (XXIII) от 2 декабря 1968 г. URL: <https://www.un.org/ru/ga/23/docs/23res.shtml>

⁶ Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 1965 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml

трансформируется в преступление апартеида, рассматриваемое международным сообществом как преступление против человечности. Социально-политическими предпосылками для криминализации бесчеловечных деяний, составляющих апартеид, стали трагические события в Южно-Африканской республике, выразившиеся в официально проводимой политике расовой сегрегации в период с 1948 по 1994 гг., и реакция со стороны международного сообщества по линии Организации Объединенных Наций [Bantekas, Nash, 2003, 121].

Криминализация апартеида впервые произошла в 1973 г. в результате появления Международной конвенции о пресечении преступления апартеида и наказании за него (далее – Конвенция об апартеиде)⁷. В соответствии со ст. 2 данного документа юридическое определение преступления апартеида включает «сходную с ним политику и практику расовой сегрегации и дискриминации в том виде, в каком они практикуются в южной части Африки, охватывает ряд бесчеловечных деяний, совершаемых с целью установления и поддержания господства одной расовой группы людей над какой-либо другой расовой группой людей и ее систематического угнетения». Из данного определения видно, что апартеид выражается в политической институционализации и практической реализации расовой сегрегации и дискриминации.

Обозначенная конвенция внесла в мировую практику борьбы с различными формами расовой дискриминации особые нововведения, существенно расширяющие уголовно-правовые основания ответственности за апартеид.

Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что юридическое содержание преступления апартеида не совпадает по объему с определением расовой дискриминации, представленной в Конвенции расовой дискриминации от 1965 г., так как в самом конвенционном определении делается акцент на дискриминационные условия, которые создаются не только по расовым основаниям, но и по мотивам цвета кожи, национального или этнического происхождения. В преступлении апартеида сегрегация и дискриминация, выраженные в определенных бесчеловечных деяниях, по смыслу положений Конвенции об апартеиде, должны совершаться только с целью установления и поддержания господства одной расовой группы людей над какой-либо другой расовой группой людей и ее систематического угнетения. Таким образом, контекстуальное условие совершения бесчеловечных деяний при апартеиде сужается до мотива расового угнетения.

Во-вторых, наблюдается конвенционный дуализм в юридическом содержании преступления апартеида. С одной стороны, конкретные бесчеловечные деяния, составляющие *actus reus* апартеида, исчерпывающим образом перечислены в самой конвенции от 1973 г. С другой стороны, в самом определении делается специальная оговорка о сходстве апартеида с политикой и практикой расовой сегрегации и дискриминации в том виде, в каком они практикуются в южной части Африки. Другими словами, помимо нормативного закрепления внешних признаков апартеида, в конвенции специально акцентируется внимание на фактической ситуации расовой дискриминации и сегрегации в южной Африке как некоем ориентирующем условии. Таким образом, легальная дефиниция апартеида нормативно отражает не только юридические признаки состава преступления, но и ситуацию расовой сегрегации и дискриминации, сложившуюся в Южно-Африканской республике,

⁷ Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него от 1973 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apartheid1973.shtml

предопределившую в силу развития международных отношений в области обеспечения всеобщего мира и безопасности человечества криминализацию апартеида в качестве международного преступления.

В-третьих, преступление апартеида в отдельных случаях пересекается с преступлением геноцида. Несмотря на то, что бесчеловечные акты, составляющие преступление геноцида, в отличие от апартеида совершаются в целях полного или частичного уничтожения определенной расовой, национальной, этнической или религиозной общности, однако и акты апартеида в определенной мере также могут быть связаны с подобной практикой⁸. В этом аспекте обращает на себя внимание такое проявление апартеида, как умышленное создание для расовой группы или групп таких жизненных условий, которые рассчитаны на ее или их полное или частичное физическое уничтожение (п. «b» ст. 2 Конвенции об апартеиде), которое в расширенном проявлении также наблюдается в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. (п. «с» ст. 2). В научной литературе по этому вопросу сложились две позиции. Одни авторы склонны считать, что апартеид является специальным проявлением преступления геноцида [Попаденко, 2012, 71], а другие, напротив, доказывают недопустимость смешения двух разных понятий, так как ключевое различие данных составов состоит в определении круга жертв и содержании субъективной стороны [Slye, 1999, 267-300].

Компаративистский анализ двух конвенций позволяет прийти к выводу, что умышленное создание в отношении расовой группы особых жизненных условий, рассчитанных на ее полное или частичное физическое уничтожение, но осуществляемых в целях установления и поддержания господства, а также систематического угнетения одной расовой группы другой, следует квалифицировать как апартеид, так как дискриминационное ограничение политических прав является первичной целью апартеида, отражающего его социально негативную сущность [Гигинейшвили, 2013, 20; Москалев, 2017, 59]. *De-jure* происходит нормативное включение одного из проявлений геноцида в юридическую конструкцию преступления апартеида.

Помимо сказанного, необходимо также отметить, что и в преамбуле самой Конвенции о пресечении преступления апартеида и наказании за него от 1973 г. говорится, что некоторые акты геноцида также могут быть квалифицированы как акты апартеида.

В-четвертых, преступление апартеида представляет собой дискриминационную политику и практику апартеида, что демонстрирует связь такой деятельности с государством⁹. Политический характер апартеида свидетельствует о целенаправленном, спланированном, идеологически подготовленном и постоянном участии государственных органов, а также аффилированных с ними организаций и общественных объединений, в применении дискриминационных мер в отношении расовой группы или групп для того, чтобы установить и в дальнейшем поддерживать режим господства одной расовой общности в отношении другой. Политическая институционализация расовой дискриминации в целях установления режима господства одной расовой общности в отношении другой заключается в нормативно-правовом

⁸ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 23.01.2023).

⁹ О политическом характере апартеида также свидетельствует расширенная (или уточняющая) дефиниция апартеида, представленная в Международной конвенции против апартеида в спорте от 1985 г. В п. «а» ст. 1 данной конвенции политический характер апартеида раскрывается через нормативное указание на систему узаконенной расовой сегрегации и дискриминации, что демонстрирует связь такой деятельности с государством.

(действие в стране различных правовых актов, регламентирующих режим расового господства), идеологическом (существующие в обществе идеи, взгляды и теории, обосновывающие необходимость и правомерность расовой сегрегации) и организационном компонентах (государственные органы и организации, общественные объединения).

Преступление апартеида также необходимо отличать от преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам, совершаемого в рамках широкомасштабного или систематического нападения. Подобные деяния выступают проявлением преступлений против человечности, как они были закреплены в уставах судов *ad hoc* по Руанде и бывшей Югославии.

В дальнейшем с принятием Римского статута Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. (далее — Римский статут МУС)¹⁰ апартеид был включен в концепт «преступления против человечности» и было дано расширенное определение этому преступлению, которое по ряду признаков отличается от дефиниции апартеида, представленной в Конвенции об апартеиде от 1973 г. В частности, в п. «h» ч. 2 ст. 7 Римского статута МУС «преступление апартеида» определено через бесчеловечные действия, аналогичные по своему характеру тем, которые указаны в ч. 1 ст. 7, совершаемые в контексте институционализованного режима систематического угнетения и господства одной расовой группы над другой расовой группой или группами и совершаемые с целью сохранения такого режима.

В сравнительно-правовом контексте дефиниция «преступление апартеида», закрепленная в Римском статуте МУС (далее — статутная модель апартеида), существенно отличается от ранее предложенного конвенционного определения данного преступления (конвенционная модель апартеида). Прежде всего, статутная модель апартеида исключает акты апартеида, связанные с законодательным установлением режима сегрегации и с геноцидом, как это определяется в п. «b», «c» и «d» ст. 2 Конвенции об апартеиде и в то же время *actus reus* апартеида расширяются за счет депортации и насильственного перемещения населения, преступлений сексуального характера, жестокого лишения физической свободы и порабощения. Помимо этого, в статутной модели апартеида существенно усложняется контекстуальное условие. С одной стороны, бесчеловечные деяния должны совершаться «в контексте институционализованного режима систематического угнетения и господства одной расовой группы над другой расовой группой или группами и совершаются с целью сохранения такого режима». С другой стороны, присутствует условие в рамках общей модели преступлений против человечности о широкомасштабности или систематичности нападения на любых гражданских лиц. Важно также отметить и то, что в отличие от конвенционной модели апартеида в статутной модели отсутствует нормативное закрепление политического характера этого преступления, что в юридической литературе создает разночтения в понимании того, что такое институционализованный режим. Не вдаваясь в полемику по данному вопросу, отметим, что одни авторы объясняют институционализацию режима через деятельность государственных органов власти по законодательному оформлению апартеида, предавая тем самым ему политический характер. Другие же авторы, напротив, поддерживают более широкий подход в понимании институционализованного режима, так как допускают установления такой практики отношений в обществе, при которой апартеид будет следствием деятельности

¹⁰ Римского статута Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml

неформальных групп и действия неправовых норм [Triffterer, 2016, 284].

Отличительным признаком статутной модели преступления апартеида в отличие от конвенционной также следует считать и отсутствие указания на связь бесчеловечных деяний с политикой и практикой расовой сегрегации и дискриминации в том виде, в каком они осуществлялись в южной части Африки.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать регулятивное изменение ответственности за преступление апартеида посредством включения в объективную сторону (*actus reus*) апартеида новых бесчеловечных деяний, аналогичных по своему характеру тем, которые указаны в общем составе преступлений против человечности, а также посредством исключения бесчеловечных деяний, связанных с установлением режима сегрегации, как это было регламентировано в Конвенции об апартеиде. В отличие от конвенционной модели статутная модель преступления апартеида представляет собой *corpus delicti* в системной привязке к общему составу преступлений против человечности. Учитывая тот факт, что преступление апартеида охватывается общей нормой о преступлениях против человечности, происходит усложнение и самого концепта апартеида в сравнении с его конвенционной моделью, поскольку контекстуальное условие апартеида дополняется специальным контекстуальным условием преступлений против человечности.

Библиография

1. Гигинейшвили М.Т. Апартеид: предпосылки и перспективы криминализации в уголовном законодательстве России: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2013. 25 с.
2. Кудрявцев В.Н. (ред.) Международное уголовное право. М.: Наука, 1999. 264 с.
3. Москалев Г.Л. Уголовная ответственность за геноцид (статья 357 УК РФ). Красноярск, 2017. 188 с.
4. Попаденко Е.В. Международное уголовное право. М.: Юрлитинформ, 2012. 192 с.
5. Bantekas I., Nash S. International Criminal Law. London: Cavendish Publishing Limited, 2003. 640 p.
6. Slye R. Apartheid as a Crime Against Humanity: A Submission to the South African Truth and Reconciliation Commission // Michigan Journal of International Law. 1999. Vol. 20. P. 267-300.
7. Triffterer O. The Rome Statute of the International Criminal Law: a commentary. Beck/Hart, 2016. 2352 p.

Apartheid as an international crime in the system of international criminal law: regulatory and legal analysis

Dmitrii V. Lobach

PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Theory
and History of State and Law,
Far Eastern Law Institute (Branch),
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
690091, 8, Sukhanova str., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: dimaved85@mail.ru

Abstract

The article studies the history of the development of international legal regulation of responsibility for the crime of apartheid. A comparative legal analysis of international norms on apartheid makes it possible to single out the conventional model (apartheid as an international crime) and the statutory model (the crime of apartheid as part of a group of crimes against humanity). At the same time, it is noted that the Nuremberg principles and the provisions of the Charter of the Nuremberg Tribunal of 1945 became the forerunner for the further expansion of the political and legal concept of apartheid as a criminal act as part of crimes against humanity. Particular attention is paid to the delimitation of apartheid from genocide in terms of creating conditions designed for the complete or partial destruction of a racial group. It is noted that there is a normative inclusion of one of the manifestations of genocide in the legal structure of the crime of apartheid. In conclusion, it is concluded that since the crime of apartheid is found in the general norm on cases contrary to humanity, then there is a complication and the very conception of apartheid in connection with its conventional model, since the contextual condition of apartheid comes to the fulfillment of exceptional circumstances of violations against humanity.

For citation

Lobach D.V. (2022) Aparteid kak mezhdunarodnoe prestuplenie v sisteme mezhdunarodnogo ugolovnogo prava: normativno-pravovoi analiz [Apartheid as an international crime in the system of international criminal law: regulatory and legal analysis]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 12 (10A), pp. 795-802. DOI: 10.34670/AR.2023.20.97.008

Keywords

International crimes, apartheid, genocide, crimes against humanity, crimes against the peace and security of humanity, international criminal law.

References

1. Bantekas I., Nash S. (2003) *International Criminal Law*. London: Cavendish Publishing Limited.
2. Gigineishvili M.T. (2013) *Aparteid: predposylki i perspektivy kriminalizatsii v ugolovnom zakonodatel'stve Rossii. Doct. Dis.* [Apartheid: prerequisites and prospects for criminalization in the criminal legislation of Russia. Doct. Dis.]. Krasnodar.
3. Kudryavtsev V.N. (1999) *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo* [International criminal law]. Moscow: Nauka Publ.
4. Moskalev G.L. (2017) *Ugolovnaya otvetstvennost' za genotsid (stat'ya 357 UK RF)* [Criminal liability for genocide (Article 357 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Krasnoyarsk.
5. Popadenko E.V. (2012) *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo* [International criminal law]. Moscow: Yurlitinform Publ.
6. Slye R. (1999) Apartheid as a Crime Against Humanity: A Submission to the South African Truth and Reconciliation Commission. *Michigan Journal of International Law*, 20, pp. 267-300.
7. Triffterer O. (2016) *The Rome Statute of the International Criminal Law: a commentary*. Beck/Hart.